

УВЫ МНЕ, СВЕТЕ МОЙ...

Слово на камне

Евгений Крушельницкий

Увы мне, свете мой...

Слово на камне

«Издательские решения»

Крушельницкий Е.

Увы мне, свете мой... Слово на камне / Е. Крушельницкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964080-2

Не так уж часто случается искать слова, которые переживут нас: даём имя ребёнку, пишем на камне прощальную фразу — вот и всё, пожалуй. И каждый по-своему пытается в немногих словах выразить многое. На этих страницах нет рекомендаций, «как надо», а всего лишь показана малая частичка того, что есть. Какие слова выбрать для камня, каждому подскажет его вкус и чувство меры. Вряд ли стоит полагаться на расхожие образцы. Настоящая эпитафия, как и человек, всегда индивидуальна.

ISBN 978-5-44-964080-2

© Крушельницкий Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Слово на камне	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Увы мне, свете мой...

Слово на камне

*Родителям моим,
Леониду Евгеньевичу
и Валентине Васильевне.
Да сияет вам свет вечный.*

Составитель Евгений Крушельницкий

Составитель Евгений Крушельницкий

© Евгений Крушельницкий, составитель, 2019

ISBN 978-5-4496-4080-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Здесь собраны эпитафии, разбросанные по разным кладбищам страны, есть примеры и из зарубежья. Конечно, даже заинтересованному человеку может попасться на глаза лишь ничтожная часть этого неохватного многообразия, но и из него приходится отбирать. Раздумывать над эпитафией склонны немногие, и по интернету кочует шаблон, предлагаемый гранитными мастерскими. Тем ценнее жемчужины искренних слов, идущих от сердца. Находки нечасты, и среди десятков могил едва ли найдется одна нестандартная. Далеко не всегда на могиле известного человека столь же достойная надпись. Льву Толстому, например, не понадобились ни памятник, ни слова, а Константину Симонову – даже могила: он завещал развеять свой прах по полю под Могилёвом, где в 1941-м чудом остался жив. Поэтому при отборе эпитафий предпочтение отдавалось не знаменитостям, а незатертым мыслям и искренним чувствам.

Деление книжки на главы во многом условно. Скорбь трудно разделить на главы, но можно попытаться упорядочить бесконечность. Одна и та же эпитафия может быть посвящена и ребенку, и жене, и матери, но если здесь эта универсальная надпись адресована, к примеру, ребенку, то лишь потому, что высечена над детской могилой. При этом слова могут принадлежать перу поэта, порой неизвестного.

Что же касается поэзии, то написано бесчисленное количество талантливых строк, которые могли бы стать эпитафиями, но сюда попали, в основном, те, которые ими уже стали. Учтём также, что эпитафия всегда настолько привлекала поэтов, что появился особый литературный жанр, которому тоже нашлось место в книге. И граница между литературой и реальностью довольно зыбкая: ведь достаточно поместить понравившиеся слова на камне, чтобы они стали частью кладбищенской культуры. При этом часто не только берут отдельные строки, но и перифразируют их. То же самое относится и к метким афоризмам, помещенным в главе «Вечная тема».

Читатель заметит, конечно, что здесь нет самых распространенных современных эпитафий вроде «Помним, любим, скорбим» или «Великой скорби не измерить,/ Слезам горю не помочь». Всё это можно найти в интернете. Здесь же, пытаясь объять необъятное, приходилось избавляться от стандарта, хоть и не всегда удавалось.

Среди известных людей, возможно, не все заслуживают одинакового уважения, и шахматист Алехин напрасно соседствует с мафиозо Аль-Капоне, однако тут речь идёт не об их общественной оценке, а о чувствах, вложенных в надгробную надпись. В эпитафиях иногда сохранены имена, придающие словам скорби особое настроение и теплоту.

Смерть – тема невесёлая, но всегда находились люди, способные пошутить и над собой, и над другими. Отсюда и остроумные автоэпитафии, и эпиграммы, составившие раздел «Весёлое кладбище». А порой и на граните попадает надпись, заставляющая улыбнуться. Их автор или смог увидеть смешное в трагичном, или же попросту не совладал со словом, которое требует умелого обращения.

На этих страницах нет рекомендаций, «как надо», а всего лишь показана малая частичка того, что есть. Какие слова выбрать для камня, каждому подскажет его вкус и чувство меры. Вряд ли тут стоит полагаться на расхожие образцы. Настоящая эпитафия, как и человек, всегда индивидуальна.

Слово на камне

*И я ходил здесь меж гробами,
Читая надписи вокруг...*

Эпитафия

В буквальном переводе «эпитафия» значит «над могилой»: так в Древней Греции когда-то называли надгробную речь. Позже это название перешло на памятную надпись на могильной плите, и сегодня словарь толкует эпитафию как надгробную надпись, короткое стихотворение, посвященное умершему. Но жизнь не сверяется со словарями, она их поправляет. Бывают эпитафии, ограниченные лишь площадью гранита, и немногим удаётся дочитать их до конца. Нередко надпись посвящена не покойному, а автору эпитафии и его чувствам. Случается, что камень сохраняет для потомков не память об умершем, а разочарование его близких в устройстве мира («*спишь ли справедливость, или ты убита...*»). Порой и сам покойный обращается к живущим и наставляет их на правах человека, который понял главное и накануне кончины делится заветным.

Поскольку каждое дело любит специалистов, то в былые времена за эту работу брались поэты. Антипатр Сидонский, например, посвятил Сафо, своей соотечественнице с острова Лесбос такие строки:

*Имя и пепел певицы под этою надписью скрыты;
Нежная песня её вечною жизнью живет.*

В России писать эпитафии начали сравнительно недавно. Крест над могилой – вот и всё, что оставалось от человека после смерти. Лишь три столетия назад появилась традиция ставить на могиле тяжелое надгробие с памятной надписью, торжественной и глубокомысленной. Этот жанр пришелся по вкусу поэтам, и уже в середине позапрошлого века стали популярны произведения «на смерть...», «памяти...», «у могилы...» и тому подобная лирика.

*Павел, сын Александров, из роду Катениных. Честно
Отжил свой век, служил Отечеству верой и правдой,
В Кульме бился насмерть, но судьба его пощадила;
Зла не творил никому и мене добра, чем хотелось.*

Пушкин, Давыдов, Жуковский, Лермонтов... список длинный. И пусть эти литературные опыты зачастую не предназначались для могил, нет-нет да и встретишь на граните высокую поэзию:

*Жизнью земною играла она, как младенец игрушкой.
Скоро разбила её: верно, утешилась там.*

Граница между эпитафией литературной и настоящей размыта, потому что каждый волен выбирать надпись, какую хочет. Афоризмы, изречения, строка из любимой песни, нередко перефразированная и приспособленная к случаю, или некая поэтически-философская сентенция – всё можно найти на камне. Обычно за дело берутся близкие покойного, и если их произведения не всегда отличаются мастерством, то в искренности не уступают профессионалам. Однако не так уж часто нам случается искать слова, которые переживут нас: даём имя

ребенку, пишем на камне прощальную фразу – вот и всё, пожалуй. И каждый по-своему пытается в немногих словах выразить многое.

Чего только не прочтёшь на кладбище – от церковного стандарта («*Господи, прими дух его с миром*») до античных изречений, отстраненных и безличных («*Те, кого любят боги, рано уходят от нас*»). От философских наблюдений («*Жизнь – вечность, смерть лишь миг!*») до безымянной пронумерованной могилы. Неумелые стихотворные строки соседствуют с пушкинскими, заёмное глубокомыслие – с истинной мудростью. Порой прорывается своё, искреннее: «*Наша любимая Алёнушка и сердце её бабули*». Или: «*Родная, как тоскливо и одиноко без тебя*». Многословие не трогает: камень требует монументальности, как заметил некий мастер гранитных дел.

Одни выносят на камень главное дело жизни («*борец за Октябрь*», «*автор жидкости Л-2*», «*жена полковника*»), другие – положение в обществе («*республиканский пенсионер*», «*кандидат наук*»), третьи – сокровенные мысли. Так, некий государственный муж, живший за несколько веков до нашей эры, вошёл в историю не только благодаря незаурядной изнеженности и распутству. Он был, между прочим, первым ассирийским царем, знавшим клинопись, прославился и как книголюб. В назидание потомкам Ашшурбанипал оставил такую жемчужину царской мудрости:

*Всё, что съел я на пириествах, всё, чем уважил я похоть,
Стало моим, а иное богатство осталось втуне.*

Потребность самовыражения порой даже заставляет автора забыть о собственной персоне. В Санкт-Петербургском некрополе есть могила, у которой обычно задерживаются дольше других. И немудрено: прочесть всё, о чем повествует испещрённая плита, под силу только терпеливым. Есть там и лирика:

*Прохожий, бодрыми шагами
И я ходил здесь меж гробами,
Читая надписи вокруг,
Как ты теперь мою читаешь...
Намек ты этот понимаешь.
Прощай же! До свиданья, друг.*

Есть и философские раздумья, что тоже вполне объяснимо: не будь смерти, не было бы и философии.

*Река времен в своем теченьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.*

Вслед за этими слегка переделанными державинскими строчками идут прозаические наблюдения, именуемые «золотыми правилами жизни»: грядущая смерть, как известно, побуждает живых задуматься о вечных истинах. Итак:

- 1. Употребляй труд, храни мерность – богат будешь.*
- 2. И воздержно пей, мало яждь – здоров будешь.*
- 3. Делай благо, бегай зла – спасен будешь...*

Не хватило места на камне только для самых обычных в таких случаях слов: кто, когда.¹ Не претендуя на известность, таким способом покойный уже около двух веков поддерживает интерес к своей могиле, не уставая напоминать нам о вечном. Ведь только про вечное и можно докричаться до потомков.

А вот Федор Петрович Гааз, с 1829 года работавший главным врачом московских тюрем, высказался куда короче: «Спешите делать добро», и эти слова встречают всех, кто приходит к нему на Введенское кладбище в Москве. Тут не просто красивая фраза: именно Гааз организовал первую тюремную больницу, школы для детей арестантов, старался облегчить участь заключенных. Мы же из этой фразы попробуем вывести следующее правило: когда память о делах не зависит от слов, то на камне высекают принципы. На могиле народного артиста республики А. Сумбатов-Южина – слова Гете: *«Каждому дню я радовался, каждый день я исполнял свой долг, как совесть мне указывала»*. На русском кладбище под Парижем, где покоится Александр Галич, поэт и бард, – евангельская заповедь: *«Блаженни изгнани правды ради»*.

На современных кладбищах нет уже ни князей, ни тайных советников, тут гордятся другим: *«активный участник борьбы с царизмом и капитализмом»*, *«член ВКП (б)»*. Или: доктор наук... почетный железнодорожник... лауреат... Большинство имен помнят лишь близкие, и недаром некий остроумец заметил, что высокие звания – чаще всего лишь несколько лишних слов для эпитафии. Должности, регалии – всё пустое, не это помнится. Чаще на камень выносят самое главное в жизни: *«Талант доброты»*, *«Спасибо за подаренную жизнь»*... А на этой гранитной плите, глядящей на аллею Донского кладбища, нет ни даты рождения, ни смерти, потому что в данном случае это всё неважно. Важно только имя: Майя Кристаллинская. Те, кто её знал, уверены: *«Ты не ушла. Ты только вышла. Вернешься и опять споёшь»*.

Придумать слово, которое можно высечь на камне, непросто, и иногда его заменяют символами: на могиле инженера ставят зубчатое колесо, летчику-испытателю – пропеллер, а то и самолетный двигатель. Над военными – артиллерийские снаряды, пробитая броня, макеты танков. Нередко на помощь приходят и рисунки: театральная сцена, книга, кинолента, перо... Церковная классика забыта, в ходу штампы вроде расхожего *«помним, любим, скорбим»*. Вечные слова уступили место новоделу, а эпитафия сократилась до справочных данных: фамилия, даты. Ещё можно узнать, кто позаботился о памятнике. И всё. Каким человеком был покойный, знают только близкие, а их чувства часто проявляются лишь в богатстве памятников. Однако сегодня эпитафия снова возвращается на кладбища. На рубеже прошлого и нынешнего веков её стиль изменился, стал индивидуальней и искренней, как и сами люди, освободившиеся от стандарта. Старая культурная традиция – увековечивать память об ушедших в форме красивой и оригинальной эпитафии – вновь возрождается. Высеченные в камне слова уйдут в века и зачастую станут единственной информацией о покойном. Потому-то с таким интересом читаем мы эти послания, адресованные потомкам.

В древности были уверены, что заботы о погребении, пышные похороны – «всё это скорее утешение живых, чем помощь мёртвым». В наш рациональный век заботы об устройстве будущей могилы порой берут на себя те, для кого она и предназначена (недаром же многим по душе пришлась шутка классиков насчет того, чьих именно рук «дело спасения утопающих»). Уже и памятник готов, и слова соответствующие написаны, и даже тире стоит после даты рождения, остается только обозначить год кончины. Одиночество ли причина такой предусмотрительности или просто решил человек всё сделать по своему вкусу – для прохожих это останется тайной. Но когда покойный не прочь подчеркнуть личный вклад в собственное погребение, то это, согласитесь, озадачивает. Вариантов тут много – от скромной надписи *«Самой себе»* до бюста, отлитого при жизни, под которым начертано: *«Вся моя сознательная жизнь отдана подготовке сельских механизаторов»*. Но если нас не удивляют поэтические автоэпитафии (например, эту строку Игоря Северянина можно прочесть на его могиле: *«...Как хороши, как свежи будут розы, моей страной мне брошенные в гроб»*), то отчего же и простым смертным

не сказать о себе что-то хорошее? И даже не очень простым. К примеру, Елена Чаушеску, супруга румынского диктатора, заранее позаботилась о собственном надгробном тексте. Надпись, в которой перечислялись её многочисленные титулы, заканчивалась словами: *«Самая почитаемая и любимая дочь румынского народа»*. Не пригодилось...

Случается, надгробные слова посвящены не только лежащему под камнем. Княжна Ольга Львовна Шаховская, которая покоится в Москве на кладбище Донского монастыря, скончалась в возрасте 34 лет. Надпись раскрывает причину преждевременной смерти – *«от операции д-ра Снегирёва»*. Дорого заплатил эскулап за неудачу... Впрочем, зря обидели профессора Снегирёва, почетного члена Императорского Московского университета: лечить рак тогдашние медики, как и нынешние, не умели.

И всё же не в обычаях народа привносить в эпитафию дух криминальной хроники. Почин безутешных родственников княжны не прижился, куда чаще встречается другое: *«Блаженны милостивые...»*. Причины трагедий на памятниках, в основном, безличны: *«от рук хулиганов»*, *«выполняя солдатский долг»*... У эмоционального южанина даже в дни печали хватило такта обойтись без фамилий: *«Не забуду моего брата Ваню, который погибл через одного баба»*. Лишь намек на вечный сюжет.

Каких только историй не скрывает надгробная надпись... На Кунцевском кладбище столыцы покоится «Герой Советского Союза Лопес Рамон Иванович». Что за Рамон Иванович, догадываются лишь те, кто помнит историю убийства Троцкого и роль в этой затее славных чекистов Рамона Меркадера, который, отсидев своё, приехал в Советский Союз, где и стал героем.

А вот дела совсем другого рода, герои которых не нуждаются в псевдонимах. В 1970-м в Ханое погибли наши моряки во время американской бомбежки. На владивостокском камне слова: *«И друзьям раздавали свои золотые запасы души...»* Хотели помочь. Точно так же, как и экипаж югославского самолета, спешивший к пострадавшим от землетрясения. Но разбился, не долетев, и на армянской земле осталось: *«Вы руки протянули нам, мы не успели их пожать...»* Вместо высоких слов – понятные движения человеческой души. Об этом же и библейские слова на московском памятнике героям Плевны: *«Больши сея любви никтоже имать, дакто душу свою положит за други своя»*.

Есть могилы, где можно прочесть лишь имена без дат и эпитафий, есть и безымянные эпитафии, без дат. Порой и вообще ничего нет, кроме полузатоптанного холмика. Или стальной таблички со словами: *«Общая могила №1»*. Здесь покоятся те, чей прах оказался не нужен живым. Иным «братьям нашим меньшим» везет больше: *«Кладу, черный пойнтер. Был превосходен на охоте, незаменимый друг дома. Родился 15 июня 1868 года, убит случайно на охоте 2 мая 1875 года»*. Правда, пёс этот не простой, его хозяином был поэт Н. А. Некрасов. Он-то и похоронил любимца на своей охотничьей даче в Новгородской губернии.

В одном причерноморском городе решили устроить новый парк. Деревья на облюбованном месте росли испокон века и озеленять ничего не пришлось. Оставалось только подновить дорожки да убрать накопившийся хлам. И вот бортики тротуаров отделали гранитом, но, видно, на его обработку денег не хватило. Потому-то и сохранились на них некоторые надписи. Вот, к примеру: *«Увы мне, чадо мое, увы мне, свете мой! Трагически погиб 15 ноября 1917 года»*. Вокруг тоже: «мир праху», «любезному супругу»... В общем, опасение русского философа Николая Федорова сбылось: «сыны» превратили-таки кладбища в гульбища (и даже родилась шутка на эту тему: мол, будут и на нашем кладбище танцы...). Но что надгробия станут стройматериалом, этого никакой философ не ожидал.

Говорят, если хочешь познакомиться с местной жизнью, побывай на рынке, в бане и на кладбище, поскольку-де эти сферы быта всех уравнивают и раскрепощают. Насчет «уравнивают» – вопрос спорный.

В Красноярске, например, на глаза попало старинное надгробие. Оно привлекает внимание не только своей красотой, но и разными надписями на памятнике – старой и новой. Старая была почти сбита и от нее осталось лишь *«От любящей жены»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.